

На полпути в киббуц

Шауль Резник

29 мая 2012

Перепечатано с сайта Booknik.ru

*Рамат-Йоханан,
Хайфа,
п/я 413*

24.04.1946

Здравствуй Софья!

Только два дня, как ты уехала отсюда, но все-таки мне хочется написать тебе короткое письмо, а короткое, потому что оно первое письмо к тебе. Срок довольно короткий, всего два дня, как мы узнали друг друга, это недостаточно, чтоб узнать и охарактеризовать человека, но все-таки за это короткое время я узнал и почувствовал в тебе хорошего друга, и мне кажется, что был к тебе откровенен.

Софи, знаю, что ты теперь стоишь перед проблемой в жизни, но я уверен, что ты не поступишь легкомысленно, а обдумаешь все до малейшей мелочи. Я со своей стороны готов помочь тебе во всем, что касается киббуца, я знаю, что человеку как ты, который не получил даже подготовку к коллективной жизни, не так уж легко будет привыкнуть к этому.

Когда мы были еще в загранице, то мы на нашу жизнь в гахшаре смотрели и учили с идеалистической точки зрения. Это может быть очень хорошо, но когда те «дети» подрастают и сталкиваются с жизнью, так жизнь начинает их учить, а не идеология. Хочу тебе только этим сказать, что перед тем, как ты решишься на этот шаг, мне бы очень хотелось, чтоб ты переменяла свою городскую жизнь, посоветуйся, и я буду тебе в помощь.

Как ты себя чувствуешь, как приняли тебя «твои детки»? Пиши.

*С дружеским приветом,
Арон*

Бабушка моей жены, урожденная Софья Либерман, приехала в подмандатную Палестину в 1940 году. Ей удалось вырваться из родного Таллина (точнее, почти родного — на свет она появилась в Ростове) за несколько месяцев до присоединения Эстонии к братской семье советских республик, за полтора года до нацистской оккупации и за три года до того, как ее родители вместе с другими евреями проследовали по маршруту Таллин — смерть.

Аттестат зрелости юной Софьи был омрачен невысокими баллами по эстонскому и идишу. Ее отец и мать были практикующими адвокатами. Русская культура (до вторжения советских войск переписка с дочкой велась по правилам дореформенной орфографии), прислуга (в послании, адресованном некоей Евгении Васильевне из Тель-Авива, мать извиняется, что прислуга по неосторожности смяла листок бумаги), педантичность: в письмах периодически повторялись призывы мыть и расчесывать волосы.

Софья Либерман переписывалась не только с родителями. Она училась в Еврейском университете, обзаводилась друзьями, в годы Второй мировой работала сиделкой в военном госпитале, о чем свидетельствует ворох признаний в любви от британских солдат.

Жизнь в Иерусалиме была недешевой, тем более для незамужней девушки. Софья работала простой воспитательницей в детском саду и в дневниковых записях, которые вела всю жизнь, жаловалась на мальчика Эли, постоянно повторявшего «пиписька-какашка». Сегодня Эли — крупная шишка в дирекции Первого канала израильского телевидения.

На каком-то этапе бабушка моей жены всерьез взвешивала возможность переезда в кибуц. В те годы кибуцы считались раем на обетованной земле, населенным идеалистами, а также крупным рогатым скотом, за которым идеалисты ухаживали в промежутках между партсобраниями. Бабушка отправилась на разведку в Рамат-Йоханан, кибуц на севере Израиля, названный, между прочим, не в честь талмудического рабби Йоханана-сапожника, а по имени южноафриканского политика и пламенного сиониста Яна Христиана Смэтса.

Кем был вышеупомянутый Арон, автор письма, неизвестно. Судя по неидеальному русскому, в Палестине он к тому времени жил давно, предварительно пройдя «гахшару», то есть сельскохозяйственные курсы. Через двадцать лет Наоми Френкель напишет пронзительный роман «Ваш дядя и друг Соломон» — многостраничную летопись всей этой коллективной жизни и идеологии, от очарования которыми предостерегал Софью Арон.

Софье повезло: через год она вышла замуж за интеллигентного беженца из Германии, и планы по переезду из буржуазного Иерусалима в место, где приобретение холодильника или даже пары носков решалось всеобщим и тайным голосованием, были забыты. Родилась дочь, затем еще одна. На короткое время появился воздыхатель, югославский журналист, который после освещения Нюрнбергского процесса переключился на ближневосточные проблемы и снял у четы Либерман-Завади комнату.

С мужем Софья общалась по-немецки (спасибо эстонскому прошлому), но русские корни никуда не делись. На втором свидании будущая жена удивила меня декламацией: «Ладушки-ладушки, где были? У бабушки».

Благодаря волнам эмиграции из СССР у нее появились новые знакомые, которые ввели ее в мир незнакомой доселе культуры. В дневниках, которые она вела на иврите, тут и там встречаются вкрапления кириллицы, частицы пересказанной иммигрантами драгоценной информации: «Лев Разгон — писатель. Был сослан в лагерь (еврей). Корней Чуковский жил в Переделкино. Написал книгу “От двух до пяти”. Максим Горький жил на острове Капри». А это уже пресловутые лихие девяностые: «Покушение на Любовь Кезину. Работала в министерстве просвещения в Москве. Стреляли и тяжело ранили».

Госпожа Либерман, которая боялась наркоза и даже зубы лечила без анестезии, отказалась от операции на сердце. От нее осталась ветхая видеокассета, на которой мою будущую супругу клюет в нос на первый взгляд безобидный цыпленок, а на заднем плане бабушка с осязательным акцентом распекает свою дочь за невнимательность. Жаль, что мы не успели познакомиться, Софья.

Письмо, рассказывающее о трагической гибели родителей Софы, оставшихся в оккупированном Таллинне, можно прочитать здесь http://www.eja.pri.ee/history/Sawadi_ru.html